

ЛитРес:

ХРОНИКИ РАЗБИТОГО МИРА

Роби и тайна фриджитов

Евгений Борисов Дмитрий Копьёв

ЛитРес: Young Adult

Евгений Борисов

**Хроники разбитого мира.
Роби и тайна фриджитов**

"Импульс"

2022

УДК 821.161.1
ББК 82(Рос=Рус)6

Борисов Е. В.

Хроники разбитого мира. Роби и тайна фриджитов /
Е. В. Борисов — "Импульс", 2022 — (ЛитРес: Young Adult)

ISBN 978-5-535-00192-0

Дороги двух прежде дружных народов разошлись после Великой войны... В расколоте мире процветает Бест-Хард-Сити, столица техногенной цивилизации, смыслом существования которой стали скорость и прогресс ради прогресса. Но спустя триста лет умный и любознательный тринадцатилетний мальчик Роби, живущий со своим дедушкой глубоко в лесу, случайно находит трёх представителей изгнанного странного народа и понимает, что ему предстоит изменить ход истории. И, возможно, отыскать своих родителей, давным-давно пропавших в Бест-Хард-Сити. В оформлении обложки и текста книги использованы иллюстрации Алёны Тимофеевой.

УДК 821.161.1
ББК 82(Рос=Рус)6

ISBN 978-5-535-00192-0

© Борисов Е. В., 2022
© "Импульс", 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2. Мушкет	15
Глава 3. Игра в имитацию	21
Глава 4. Роби встречает фриджитов	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Евгений Борисов, Дмитрий Копьев

Хроники разбитого мира.

Роби и тайна фриджитов

Глава 1

Рассвет

Летнее солнце только-только коснулось верхушек деревьев, когда высокий звук сирены разнесся над лесом, и Роби, не до конца проснувшись, сел на кровати. Это повторялось каждое утро, и, зажав уши руками, мальчик привычно сидел почти минуту, пока громкий звук не исчез, забрав с собой остатки сна. Только тогда Роби открыл глаза.

Мягкий утренний свет озарял его комнату, где все было как всегда – кровать, крепкий шкаф с одеждой, полка со старыми потрепанными книгами и письменный стол, заваленный чертежами механизмов, найденных Роби и его дедушкой Обероном в лесу. Вечерами Роби подолгу засиживался над этими чертежами, пытаясь во что бы то ни стало найти объяснение и применение каждой детали и понять, какие функции выполняли эти механизмы в далеком довоенном мире. Что-то, как мог, объяснял ему дед, о чем-то Роби вычитывал в книгах, написанных еще до войны, которая называлась «Большой Апгрейд», что-то так и оставалось непонятным – и над этим непонятным он бился упорней всего.

Вся мебель в комнате была деревянной, потому что дед очень любил делать все своими руками. К счастью, деревьев вокруг было много – дом, в котором жили Роби и его дед, стоял почти в самом центре большого леса, и когда мальчик смотрел в окно, то видел сотни изогнутых стволов под бесконечным морем листьев. В лесу водились зайцы, лисы и железные дикие механизмы, порождения города Бест-Хард-Сити.

Над листьями возвышался золотой солнечный диск. Его лучи тускнели, будто не могли пробиться сквозь пелену густого серого дыма, стелящегося где-то вдаль за деревьями. Каждый день своей жизни, глядя в окно, Роби наблюдал, как эта пелена, закрывающая утреннее солнце, становится все больше. А еще он мог разглядеть еле заметные бесформенные столбы дыма, тянущиеся в небо, и мальчику казалось, что со временем они становились все выше.

Это и был Бест-Хард-Сити. Дед часто рассказывал истории о нем. Некогда небольшой городок, в котором жил талантливый изобретатель Мордрет, стал стремительно расти и расширяться, поглощая все больше ресурсов и территорий вокруг, пока не превратился в Бест-Хард-Сити, задымленный город-миллиардник, который стал центром предельно техногенного мира людей. А Мордрет захватил власть и стал Великим Диктором Нового Мира и Администратором Большого Апгрейда. Но про Мордрета и Апгрейд дед рассказывал неохотно. Все больше говорил про высокие дома, сделанные из железа, горящие по ночам тысячей огней, свет которых Роби видел иногда в темноте. Про множество труб, из которых нескончаемым потоком вверх тянется серый дым. Про жителей Бест-Хард-Сити, которые много лет поклонялись Прогрессу. А потом скорость и эффективность перестали быть средствами и стали смыслом жизни. Теперь изобретения этих людей настолько сложны и многозадачны, что невозможно понять для чего они предназначены на самом деле. Такими же сложными и непонятными стали речь и мысли жителей Бест-Хард-Сити. “Если ты встретишь кого-то из них и попробуешь пообщаться, ты не поймешь ничего, – говорил дед, – Хотя используют они те же слова, что и мы. А еще они забыли, что такое отдыхать, просто сидеть на крыльце с чашкой чая, как мы с тобой по вечерам, и что такое любовь они тоже забыли”.

Ради Прогресса жители Бест-Хард-Сити буквально выжигали мир вокруг. Впечатленный этими рассказами, Роби представлял себе этот город огромным черным костром, который не только никогда не погаснет, но и будет с каждым днем становиться все больше. Иногда мальчик видел во сне, как страшный черный великан идет по зеленому лесу, и все живое сгорает под его огромными ногами.

Солнце, поднявшись высоко в небо, избавилось от сетей дыма и залило комнату золотыми лучами. Из кухни доносился запах чего-то вкусного. Пора было бежать на помощь к деду, который уже работал во дворе. Роби поспешно надел старенькую, но чистую, футболку, каждая дырочка на которой была аккуратно зашита, потертые джинсы с заплатками и крепкие кожаные сапоги, и выскочил из комнаты.

Оказавшись в просторной гостиной-кухне с разноцветными вязаными ковриками на полу, вечными запахами цветов и земли и большим и мягким диваном посередине, Роби сразу побежал к еще теплой железной печи-плите. Источником манящего запаха оказалась сковорода с традиционным завтраком – яичницей из пары яиц и жареными кусочками мяса кабана, добытого дедом на охоте пару дней назад. Роби быстро достал из кухонного шкафчика тарелку, нож и вилку, отнес еду на круглый деревянный стол и принялся есть с большим аппетитом.

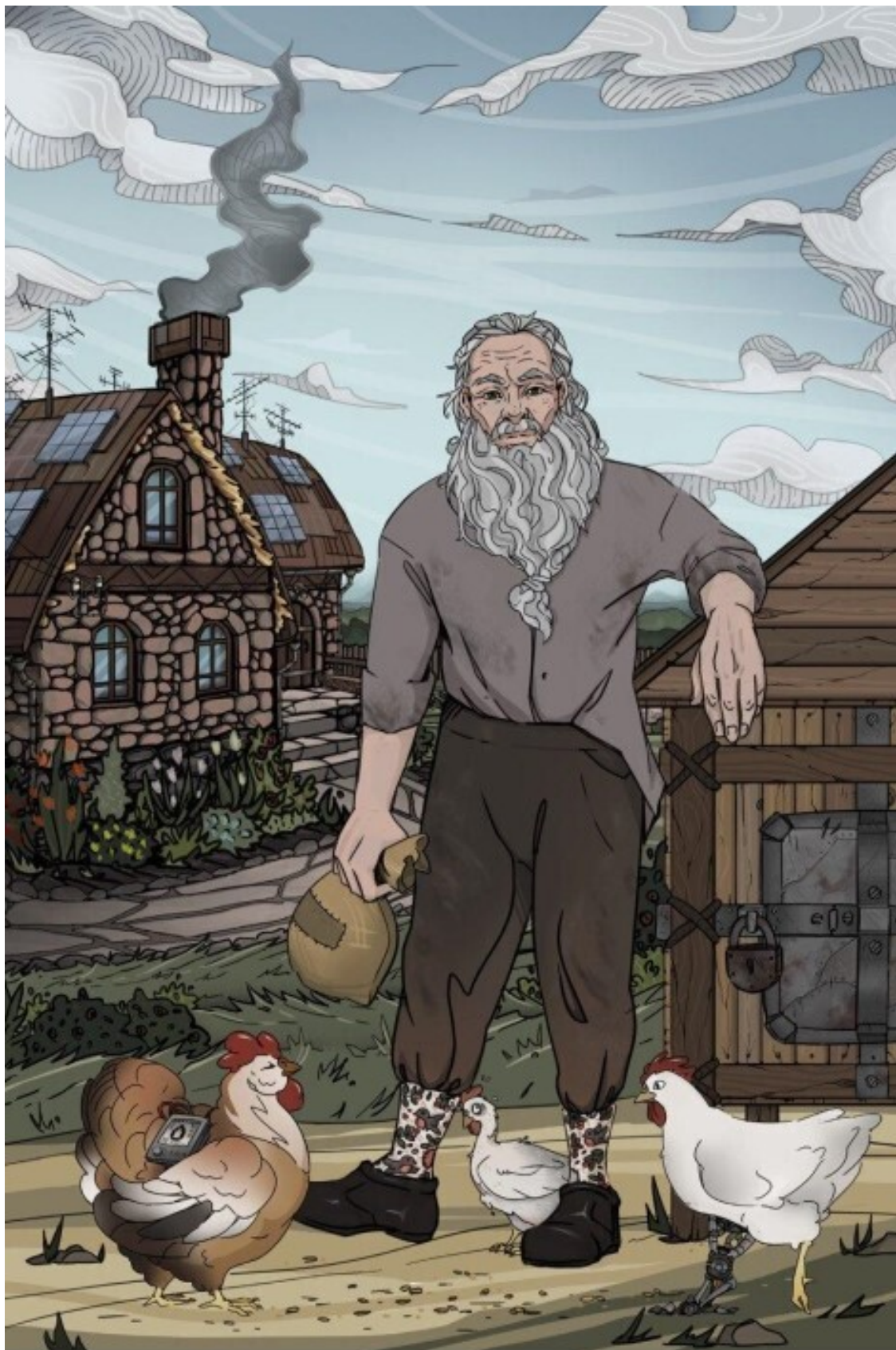
Быстро закончив с завтраком, мальчик направился к двери, когда его взгляд уловил какое-то движение на одной из старых пожелтевших фотографий, висевших над камином. Там по одной из рамок бежала по своим делам божья коровка. Роби подошел и подставил насекомому палец, чтобы отнести его на волю, но зацепился взглядом за собственное изображение на фото – таким маленьким он себя почти не помнил. На других снимках весело улыбались совсем молодой дед и счастливые мужчина и женщина – Элори и Брис. Мама и папа. Сердце Роби стучало сильнее всякий раз, когда он подходил к этому фото слишком близко. Вот и сейчас, закрыв глаза, Роби попытался вспомнить о родителях хоть что-то, но, как всегда, ничего не вспомнил. Вздохнув, он смахнул божью коровку в ладонь и вышел во двор навстречу веселой песенке, которую дед любил напевать за работой.

Начинался новый день, один из многих. Стоя на крыльце и глядя, как божья коровка расправляет крылышки, Роби не мог даже предположить, что сегодня его жизнь изменится навсегда.

Мир, в котором Роби провел тринадцать лет своей жизни, был небольшим и уютным. В центре этого мира на светлой просторной поляне стоял двухэтажный домик, который можно обогнуть за пару минут – с черепичной крышей и стенами, сложенными из камней, крепких и больших. Вдоль стен росли яркие цветы, за которыми дед ухаживал особенно тщательно. С каждой стороны дома было по окну. Одно из них выходило напрямик в лес, а единственная дверь вела на поляну. Роби не знал, сколько лет этому дому, но слышал, что когда-то здесь родился дед Оберон, и его дочь Элори, мама Роби. А потом и он сам.

Поляна была защищена высоким бревенчатым забором толщиной практически в метр, с двумя прожекторами на противоположных углах, включавшимися по ночам для защиты от разных существ, механических и живых, и проволокой, пропускающей электричество, что тянулась по его верхнему краю. Высокое напряжение вызывало замыкание у лесных роботов, которые, скорее всего из любопытства, время от времени пытались проникнуть на поляну через забор, а прожекторы, освещая пространство, помогали сторожевому петуху Арнольду ловить различных мелких животных, у которых получалось как-то миновать ограду.

На противоположном конце поляны располагалась мастерская, где Роби с дедом Обероном хранили полезные находки, добытые во время вылазок в лес, и ремонтировали довоенные механизмы или придумывали и собирали с нуля полезные в хозяйстве устройства, используя части старых механизмов или же – если их не хватало – найденные в лесу.

Посередине поляны был вырыт небольшой колодец, накрытый дощатой крышкой с люком для спуска ведра. Справа от колодца находился курятник с большой дверью, закрытой на внушительный металлический замок. Возле курятника стоял дед Оберон, одетый в серую

рубашку, запачканную землей, длинные мешковатые штаны, заправленные в шерстяные носки и специальные резиновые ботиночки – Роби знал, что в древности их называли «галoши». Седые, до плеч, волосы деда поблескивали на солнце, а кудрявую бороду он собрал в хвостик.

Как обычно, притопывая ногой, дед напевал веселую песню, время от времени прерываясь, чтобы сказать «цып – цып – цып!», бросая на землю горсти крупы из ветхого мешочка.

Сколько Роби помнил себя, он никогда не видел деда Оберона грустным. Когда мальчик просыпался, тот, бодрый и веселый, уже занимался обычной повседневной работой – прибирался в доме, собирал что-то в мастерской или хозяйничал во дворе.

Как и всегда, в то утро вокруг деда бегали три курочки и жадно собирали все, что он раскидывал. Самую крупную звали Марта. Она была единственной обладательницей подключенного к ее спине очень редкого и старинного прибора – яйцесчета, из-за которого Роби и дед здорово поспорили когда-то. Оберон нашел механизм в лесу, починил и захотел настроить так, чтобы яйцесчет проводил анализ окружающей среды, советовал, какие зерна лучше клевать в это время года, подбирал для курицы пару во время брачного периода и следил за режимом ее дня. В общем, выполнял множество функций, кроме основной – указания точного времени, когда курица снесет яйцо.

– Чем ты занимаешься? – спросил однажды Роби, заметив, как Оберон весь день возится с яйцесчетом Марты.

– Посмотри, как много новых функций я настроил! – говорил дед, восхищаясь своим творением – Теперь яйцесчет будет буквально все знать о Марте и нам не придется забивать этим свои головы!

– Дед, подожди, – перебил его тогда Роби. – Ты сам меня учил, что есть предметы, которые обладают прямым предназначением, поэтому лучше оставить яйцесчету одну функцию, считать яйца.

– Что плохого, если он будет уметь и то и другое? – не унимался Оберон.

– Ну да, это полезно. Но чаще всего приводит к тому, что прибор глючит и не будет выполнять даже главную свою функцию... Так что оставь это и пойдем займемся огородом!

Дед Оберон задумался, отложил инструменты и проворчал: «Ты всегда хочешь, чтобы было просто!» Это означало, что в споре Роби победил.

Курицу поменьше звали Сэм. Роби и дед Оберон нашли ее в лесу, во время одной из вылазок и так и не смогли определить, почему она была одноногой – то ли родилась такой, то ли подверглась нападению дикого животного. Не размышляя долго на эту тему, Роби и дед взяли бедняжку домой, а позже сделали в мастерской настоящий металлический протез, на котором Сэм передвигалась до сих пор.

Третья, Малышка Сью, не имела никаких технологических особенностей и приспособлений. Она была самой обычной серой курочкой. Только очень робкой. Когда яйцесчет Марты начинал пищать, сообщая о скором появлении яйца, Сью в ужасе убегала. А металлическую лапку Сэм, громко скрипящую в суставе, боялась настолько, что старалась держаться от нее подальше. Кажется, Сью чувствовала себя лишней и приходила есть, только когда Марта, Сэм и еще один житель курятника, петух Арнольд, скроются из глаз. Поэтому, чтобы Малышка Сью не отошала, дед часто кормил отдельно, после всех.

Поставив мешочек с крупой на землю, Оберон крикнул громким и зычным голосом в сторону курятника:

– Арнольд! Обед!

– Давай помогу! – предложил Роби, подбегая к деду.

– О, а я думал, ты сегодня уже не проснешься! – засмеялся Оберон, – Хотел уже съесть твой завтрак!

Подбежав к курятнику, Роби взял с его крыши большой и крепкий прут с петлей на конце. Тихонько повернул ключ в замке, и тот упал на землю. Взявшись за дверцу, мальчик, волнуясь,

вопросительно посмотрел на деда. Тот, уже державший в руках небольшую цистерну с бензином, до этого стоявшую неподалеку, кивнул. Роби отпустил дверцу, и она открылась медленно и со скрипом.

На секунду на поляне воцарилась идеальная тишина. Потом внутри курятника что-то зашевелилось с отчетливым лязганьем. Услышав это, Малышка Сью пулей метнулась за дом, а Марта и Сэм неспешно отошли на безопасное расстояние. Спустя несколько мгновений поляну огласила сирена, та самая, что будила Роби каждое утро, и наружу вылетел петух Арнольд.

Он был огромен – размером чуть ниже Роби. Издавая оглушающий вой и пыхтя дымом, петух понесся прямо к деду, но Роби резко накинул петлю на металлическую птичью шею. Он изо всех сил сдерживал петуха, подпуская его к Оберону аккуратно, шаг за шагом, в то время как петух, упиравшись в землю железными когтями, тянулся вперед и вертел головой, глядя на мальчика то правым черным глазом, то левым – красным и мигающим, как лампочка.

Приблизившись к петуху, Оберон открыл канистру, из которой прямо в распахнутую птичью пасть полилось тягучее желтое масло. Арнольд еще шире раскрыл металлический клюв и поднял голову вверх. Сирена, рвущаяся из его горла, наконец, умолкла. Выдохнув и встряхнув затекшие руки, мальчик отпустил шест, снял петлю с шеи петуха и убрал инструменты на крышу курятника – до следующего раза.

Момент, когда в их доме появился Арнольд, Роби помнил плохо – он был тогда совсем мал. Но хорошо знал эту историю от деда, который любил рассказывать, как во время очередной вылазки в лес наткнулся в развалинах на какой-то необычный механизм, похожий на те, что производят в Бест-Хард-Сити. Однако, рассмотрев машину, дед к своему удивлению обнаружил, что это обыкновенный живой петух, только с множеством механических имплантов. Оберон принес петуха домой, починил и выходил, решив, что тот может служить отменным ночным сторожем. В механической части петушиных внутренностей, между шестеренками, была вложена старая фотография мускулистого мужчины, позировавшего на камеру, а на ее обороте были слова: «Моему дорогому другу от Арнольда». Так сторожевой петух получил свое имя.

И хотя часть головы, шея и обе ноги нового обитателя поляны были заменены протезами, он на удивление быстро подружился с курочками и защищал их по ночам от лисиц и прочих хищников. По утрам он будил поляну оглушительной сиреной, которую дед так и не смог заметить на более приятный звук – да хотя бы на свое пение! «Ой только не это! – в шутку возмущался Роби, – Пусть будет сирена! Всяко лучше твоих странных песенок!»

С жадностью напившись масла, Арнольд развернулся и вразвалочку пошел обратно в свое жилище, видимо, намереваясь спать дальше. Как только он скрылся в курятнике, Марта и Сэм вернулись и принялись клевать то, что не успели доесть. Из-за угла, дрожа на тоненьких ножках, медленно вышла Малышка Сью. Улыбнувшись, дед насыпал ей побольше крупы.

Покормив кур, Роби и дед полили цветы вокруг домика, собрали по участку принесенный ветром мусор, подлатали в одном месте забор и собрали на ужин девять яиц. Мальчик чистил курятник, когда Оберон, поставив мешок, полный мусора, возле колодца, крикнул ему:

– Заканчивай! Я не хочу снова, как вчера, возвращаться по темноте. Надо еще починить сломанную машинку для сада.

– Уже бегу! – воскликнул Роби и, закрыв курятник на замок, помчался за дедом, который уже поворачивал железный вентиль посередине больших деревянных ворот, запиравших мастерскую.

Внутри что-то защелкало и, толкнув дверь плечом, Оберон потащил ее вправо. Подбежавший внук тоже уперся в ворота, и конструкция на колесиках, защищающая вход, под напором открылась.

Роби знал от деда, что когда-то давно в таких строениях, называемых «сараями», хранили выращенную на полях еду, разные инструменты и технику или держали животных. Со

временем, когда вести большие хозяйства стало бессмысленно из-за ядовитых дождей, сараи стали не нужны и почти все обветшали и развалились. Но для своего Оберон нашел новое применение: он укрепил старый деревянный каркас железными опорами, заменил подгнившие доски свежими, провел электричество, покрыл крышу металлическими листами и сделал ее раздвигающейся.

Когда они зашли внутрь, Роби, нащупав маленький холодный рычажок на стене направо от входа, повернул его вверх, и крыша с громким лязганьем разъехалась на две части, отчего мастерская постепенно наполнилась солнечный светом, в котором, поблескивая на солнце, словно тысячи звездочек, висели пылинки.

Сначала осветилась центральная часть мастерской – со входом и большой площадкой, в центре которой Роби и Оберон размещали большие механизмы, принесенные из леса, чтобы разобрать их на части. Потом правая – с рабочими столами и станками для обработки дерева и металла и развешанными по стене отвертками, кусачками, ключами, ножницами и прочими

полезными приспособлениями на все случаи жизни, а также чертежами и списками, где перед каждой деталью рукой Роби было старательно написано ее прямое предназначение. Здесь всегда было грязно в часы самой активной работы. Наконец, проступила из темноты третья часть – левая, из двух этажей. На втором хранились коробки и мешки с металлическими деталями, еще пригодными для повторного использования, на первом – незаконченные проекты Роби и деда Оберона. Там стояла довоенная пятидверная машина с пассажирскими креслами внутри, для которой не хватало деталей.

Рядом валялась передняя часть механической коровы, глядящая пустыми глазницами, и десятки разных неработающих приспособлений, которые дед называл техникой со странной приставкой «бытовая». По его словам, до войны люди активно использовали все это в хозяйстве, но Роби даже представить не мог, какие функции могут выполнять эти странные предметы. Здесь, же, в левой части мастерской, валялась перепачканная в земле «машинка для сада», которую дед вытащил на свет и, поставив у рабочих столов, принялся за ремонт.

Это было необычное приспособление, состоявшее из платформы, передвигающейся на шести гусеничных колесах, и корпуса, в котором располагался мотор и нескольких соединенный между собой инструментов: лопаты, грабель, лейки и тяпки. Кнопки на панели соответствовали тому или иному инструменту, которые по запросу вытаскивал из корпуса и подавал специальный механизм. Дед уже начал разбирать «машинку для сада» на части.

– Вторжение в задний отсек! – пропищал механизм, почувствовавший, что его внутренности кто-то перебирает.

В задачи Роби входило просто подавать инструменты, но он любил механизмы, и порой ему казалось, что он понимает и чувствует их. Присев возле деда, мальчик внимательно разглядывал машинку, пытаться понять предназначение каждой детали. Потом спросил:

– А в чем тут проблема?

– Она совсем не хочет осуществлять весь комплекс работы на огороде – копать, окучивать, полоть и поливать!

– А как ты ее запрограммировал? – уточнил Роби, взяв лежащую рядом отвертку.

– Чего? – не понял дед.

– Ну, какие указания к действию ты ей дал? – спросил мальчик, осторожно соскребая с деталей машинки затвердевшие комки грязи, облепившие почти все шестеренки, проводки и цепи механизма.

– Если сад готов к посадке, вскапывать грядки... Вроде так, – немного подумав, ответил Оберон.

– Ага... – задумчиво протянул Роби. – И она делает по саду все, но не копает, правильно?

– Да. Машинка будто с ума сошла! – воскликнул Оберон. – Уже почти месяц она ловит червяков, зачем-то пересаживает траву с места на место, заделывает какие-то щели в заборе, анализирует влажность воздуха, скорость ветра, количество осадков, даже играет в догонялки с курицами... Но не копает!

– Мне кажется, что я знаю, в чем дело – сказал Роби. Он взял с рабочего стола специальное устройство для программирования, похожее на пульт, и подключил его к процессору машинки.

– Что ты делаешь?! – воскликнул дед.

– Стираю всю программу, – спокойно ответил Роби.

– Зачем?! Стой!

– Подожди... – мальчик остановил деда движением ладони и через несколько минут отсоединил устройство, убрав часть датчиков с корпуса механизма.

– Что ты сделал? – недоверчиво спросил Оберон, – У тебя... получилось?

– Давай соберем ее и посмотрим, – улыбнулся Роби и, отойдя в сторону, хлопнул в ладоши, – Смотри!

– Копать! – громко пискнула машинка. Выйдя из сарая, она проковыляла по двору к грядкам и действительно начала копать.

– И что ты сделал? – удивленно спросил дед, глядя ей вслед.

– Просто убрал датчики, отвечающие за ненужный функционал. Она была настолько сложная, что делала все, кроме основного предназначения. Такое чувство, что она не имела право выполнять нужную работу, пока не сделает все остальное.

– Как все механизмы Бест-Хард-Сити... – задумчиво протянул Оберон.

В голове Роби зажуужал целый рой вопросов, но он знал, что о Бест-Хард-Сити дед рассказывает очень редко. Поэтому продолжил:

– Я сделал программу, согласно которой машинка будет копать по хлопку. Если хлопнуть еще раз, механизм остановится. Пусть она только копает, не затрачивая ресурсы на лишние дела. Теперь очень просто запрограммировать ее на нужную работу.

– Да ты гений! – засмеялся Оберон – Ну раз дело так быстро разрешилось, сейчас я возьму ружье, и мы отправимся в лес. Сегодня пойдем немного дальше, чем обычно. Ничего не забудь. В том числе голову.

– Дурацкая шутка, – ответил Роби – Хватит напоминать мне обо всем! Мы ходим в этот лес каждый день. И мне уже 13! Что ты сказал мне сейчас?.. Я же гений!

– А толку-то? – пробурчал дед, разыскивая что-то в одном из ящиков стола, – Ты из раза в раз нарушаешь мои инструкции! Уходишь без разрешения, берешь в руки опасные предметы, не используешь перчатки! И – самое главное... споришь со мной!

– Опять ты за свое, – недовольно вздохнул Роби. Он достал из пыльного шкафа справа от рабочего стола две сильно пахнущие бензином кожаные куртки и протянул одну деду, – Ухожу я не так уж далеко. Разве я должен всю жизнь плестись за тобой хвостиком?

– Собирайся давай! – голос Оберона прозвучал неожиданно резко. Дальнейшие сборы прошли в тишине.

Роби достал из шкафа перчатки и специальные рюкзаки, сделанные из укрепленной ткани, подходящей для переноса острых и горячих предметов: ведь вещи, попадавшие в лесу, часто имели опасные режущие, пилящие или колющие вставки, либо выделяли большое количество тепла и могли обжечь. А некоторые экземпляры даже произвольно взрывались. Дед положил в свой рюкзак карты, собственноручно нарисованные им когда-то. Прикрепил к поясу металлоискатель и проверил ружье.

Когда-то давно, когда Роби еще не родился, это было самое обычное охотничье ружье, служившее Оберону до тех пор, пока порох не стал слишком дорогим. Однако, дед настолько любил охотиться, что придумал заменить порох сжатым воздухом. Позже он расширил дуло ружья, чтобы оно могло стрелять не только патронами, но и каким-нибудь ненужным хламом, в избытке валяющимся в окрестностях. И сделал это не зря – патроны со временем тоже сильно подорожали. Роби смотрел, как Оберон крепит ружье к своему рюкзаку, и вспоминал, как часто они разговаривали об охоте. Больше всего мальчик любил историю, в которой дед в одиночку справился с огромным медведем.

«Однажды ночью, – рассказывал Оберон, устроившись в кресле у камина, – Меня разбудил рев зверя. На поляну забрел огромный бурый медведь и начал ломать все подряд своими лапищами размером с дерево! Все мои постройки – сарай, колодец, курятник – все снес! Я увидел его в окно, недолго думая, схватил ружье, оставшееся мне от отца, и начал стрелять. Казалось, мои выстрелы совсем не ранят его. Но как только медведь побежал в мою сторону, чтобы разорвать меня, я удачным выстрелом в глаз повалил его на землю!» Именно после этого случая Оберон потратил месяцы на то, чтобы оградить поляну толстым забором, через который не пройдет даже самый большой медведь.

Каждый раз, собираясь в лес, Роби смотрел на деда с гордостью и завистью и думал о том, как хочет быть во всем похожим на него – таким же умным и смелым. А еще, вспоминая или в

очередной раз слушая историю про медведя, думал: «Интересно, где в этот момент были мои мама и папа?» Но спрашивать не решался – о родителях Роби дед разговаривать не любил.

Надев прочные куртки из плотной кожи, закинув за плечи рюкзаки и положив перчатки в карманы, Роби и дед Оберон вышли во двор. Там мальчик хлопнул в ладоши, и машинка для сада, окучивавшая грядки, прекратила работу и покатила на своих скрипучих металлических колесиках в мастерскую, где дед обесточил ее и убрал на место. Выпустив Арнольда из курятника и плотно заперев двери в дом и мастерскую, они вышли в лес через тайный вход в заборе, закрытый тяжелым деревянным щитом и оснащенный охранной технологией «крючок», то есть обычным металлическим крючком, не позволяющим сдвинуть щит с места, пока его не убрать.

В этот лес, таинственный и опасный, Роби и Оберон ходил множество раз, но каждый раз был как первый. Оказавшись снаружи, лицом к лицу с неизвестностью, дед и внук поежились и огляделись. Ощущение, что кто-то смотрит на них из темной чащи, было почти физическим. Поиски всякий раз были сложными из-за растущих повсюду густых кустарников, верхушки которых доставали деду до подбородка, а Роби скрывали почти полностью.

Сейчас, как всегда, предательски замирая сердцем, Роби пытался представить, что бы он сделал, если бы на него выскочил огромный механический медведь. Но, глядя, как дед Оберон уверенно шагает между искривленных стволов деревьев в поисках металлических запчастей, старых механизмов или чего-нибудь бегающего и съедобного, мальчик успокоился и почувствовал себя защищенным.

Вдруг носок его ботинка поддел что-то на земле, от толчка пролетевшее, шурша по траве, почти метр. Мальчик резко остановился и воскликнул:

– Деда!

– Что такое?

– Я что-то нашел!

Глава 2. Мушкет

Роби опустился на колени и ощупал руками землю, пока не наткнулся на пластиковую дощечку с резиновыми выпуклостями. Поднявшись, он рассмотрел находку – какую-то серую табличку с черной полоской вверху и разноцветными квадратами под ней, на которых были изображены неизвестные символы. Обратная сторона таблички была пустой и гладкой.

– Посмотри, – Роби показал деду необычный предмет. – Наверное, это какое-то средство общения древних людей!

– Это же цифросчетательное устройство! – радостно воскликнул дед, повертев находку в руках. – Или, на старом языке, калькулятор!

– Калькулятор, – повторил Роби, как бы прокручивая новое слово в голове, – Что это?

– Смотри, – Оберон повертел перед ним необычным предметом. – Это экранчик. Здесь будут цифры. А это кнопки с изображениями цифр. Краска немного стерлась, поэтому ты их не узнал. Вот они, идут по порядку, один, два, три... А здесь знаки сложения и вычитания. Понял?

– Ого! – воскликнул Роби. – Так это штука помогает считать! Значит, я смогу, наконец, посчитать, сколько песен ты поешь за утро!

– Сможешь, – засмеялся дед. – Только он не включается... Видимо, сели батарейки. Возьми его с собой, попробуем подсоединить к аккумулятору. Идем дальше!

Будто плывя по зеленому озеру, Роби оглядывался по сторонам и ступал так, чтобы листья и сухие ветки не издавали ни звука. Оберон же шел громко, почти топая. Его глаза, прищурившиеся, строгие и неподвижные, были устремлены вдаль, как будто он не смотрел, а слушал, или ждал, когда ноги сами донесут его до нужного места.

Прошел час, за который дед и внук насобирали около стакана черной земляники, нашли с десяток грибов и странную маленькую плоскую елочку в пластиковой упаковке, с надписью «лесная свежесть». Немного надорвав пакетик, дед поднес его к носу Роби, и тот буквально отшатнулся от резкого хвойного запаха.

– Что это? – спросил он.

– Очень редкая вещь, – сказал Оберон, пряча «елочку» в карман штанов. – Давно хотел найти ее и повесить в туалете. На сложном языке такие штуки зовутся ароматизаторами, а простотому – елка-вонючка.

– Оба этих языка очень странные, – нахмурился Роби.

– Да, это точно. Раньше, до войны, их не было и все предметы и понятия назывались не просто и не сложно.

– А как?

– По – своему... – глаза деду забегали. – Не отвлекай меня разговорами, а то не управимся до ночи. И будь внимательнее.

Дальше Оберон и Роби шли только вперед, пока не наткнулись на полуразвалившуюся булыжную стену метров десять в длину, одиноко стоящую между деревьев.

– Разделимся и быстро осмотрим все – сказал дед, взяв внука за плечо. – Но дальше не идем! Ясно?

– Дааа – протянул Роби, закатив глаза. – Ты говоришь это почти каждый день!

Все это – лес, руины, тропа – были пройдены Роби и его дедом уже сотни раз, но почти каждый день они все равно осматривали лес вокруг поляны. В этом был смысл: на земле оставались следы пребывания различных странных машин, постоянно бродивших по лесу, – металлические части, какие-то забавные мелочи или целые механизмы, вышедшие из строя. Последнее было, правда, большой редкостью. Оберону повезло лишь три раза – когда он нашел Арнольда, половину механической коровы и довоенный автомобиль. Роби же удача не улыбнулась пока ни разу, если не считать маленький калькулятор.

Ловко выскользнув из-под руки деда, Роби выдвинулся вправо, стараясь держаться параллельно стене. Она оказалась довольно скучной. Не то, что постройки разных форм, видневшиеся дальше, в лесу, в зеленой мгле. Приближаться к ним было строжайше запрещено, но Роби всегда хотел узнать, что же они в себе скрывают.

Вздыхнув с досадой, мальчик посмотрел на деда. Тот, напевая очередную песенку, сосредоточенно изучал кучу камней у подножья стены, изредка убирая с лица кудрявые волосы. Потом, отцепив от пояса металлоискатель, начал с его помощью исследовать стену, двигаясь вдоль нее и уходя все дальше.

В этот момент Роби наступил на что-то маленькое и твердое. Это была ржавая гайка. Нагнувшись, чтобы подобрать ее, мальчик услышал короткое, едва слышное, шипение, доносящееся, как ему показалось, от странной постройки впереди.

Сердце застучало так, что, кажется, било его по ребрам. Роби оглянулся на деда – тот ушел достаточно далеко, оставив у стены свой рюкзак. Шипение раздалось снова, и Роби сделал несколько шагов дрожащими от волнения ногами в сторону черного прямоугольника постройки, затерянной среди деревьев. Туда, куда ему строжайше запрещено было ходить...

Роби всегда честно старался выполнять все просьбы и требования деда Оберона: не смотрел на сварку, не пихал пальцы в клюв Арнольду, не ел желтый снег и, – это было запрещено самым невыносимым запретом! – не ходил в лес один и не брал дедушкино ружье. Но сейчас, сжав кулаки, он сделал первый шаг к своей цели... когда мимо его ноги, скрытой травой, пробежало что-то большое, размером почти по колено. Роби едва успел зажать себе рот, чтобы не закричать. Судя по шелесту и волнению кустов, «что-то» мчалось к развалинам, и Роби, не до конца понимая, что делает, подбежал к рюкзаку деда и схватил лежащее на нем ружье. «Если он узнает, я крепко получу за это» – промелькнуло в голове Роби, но любопытство и азарт уже влекли его в неизвестность.

Крепко держа ружье двумя руками и прижимая его к груди, Роби крался сквозь плотные заросли кустарника к каменной стене. Она была почти такой же, как та, у которой несколько минут назад копался дед, только немного выше и шире. Обойдя строение, Роби наткнулся еще на одну стену – параллельную, с квадратным отверстием окна – и с удивлением понял, что строение почти в точности напоминает его дом. Заглянув в окно, он увидел пару подгнивших стульев и столов, старый деревянный шкаф, пол, усыпанный мелкими камнями, а вместо крыши – пушистые кроны деревьев и голубое небо над ними.

На одной из стен висел красочный, потрепанный временем плакат с изображением большого черного человека с дымящейся головой, из-за спины которого выглядывали странные и страшные механизмы с множеством глаз и рук. Черный человек приподнял ногу, чтобы наступить на другого, лежащего на траве – совсем крохотного, с синей кожей. Красная надпись в верхней части плаката как будто кричала: «Растопчи их!» А внизу черным буквами поменьше было написано: «Фриджиты мешают прогрессу!»

Повернувшись влево, Роби увидел вход. «В этом доме, вероятно, скрыто что-нибудь очень ценное и полезное! Возможно, очень и очень редкое! – подумал он – Если я найду это «что-то», дед подберет и не будет ругать меня за то, что я пошел в развалины. И взял ружье...»

Переступив порог странного дома, Роби снова услышал странное шипение. Теперь он точно понимал, откуда оно доносится – из старого деревянного шкафа в углу комнаты. Осторожно подкравшись, Роби уже взялся за железную ручку на дверце, когда шипение вдруг сменилось мужским голосом, прозвучавшим решительно и злобно:

– Все жители, граждане, гости, нашего города с высокой плотностью населения, а именно – населенного пункта с высоким содержанием людей, технологий, воздуха, новых идей, индивидов, соответствующих своим функциональным свойствам, в крайнем времени из всех крайних обязаны в срочном порядке, обязательно и беспрекословно, выполнять указ А156

во временной период от восхода солнца каждого дня до окончания ночи, с первыми лучами солнца, каплями дождя, снежинками и воплями соседей...

Голос захлебнулся и снова перешел в шипение. Затем раздался звук, как будто стенку шкафа изнутри поскребли чем-то острым. Но Роби не услышал этого, потому что его накрыло неожиданное воспоминание, ясное и теплое, как солнечный свет: он, совсем маленький, сидит в детской кроватке, а дед Оберон, мама и папа – такие же молодые, как на фото, только очень грустные – слушают стоящую на столе коробочку, которая шипит и что-то монотонно говорит разными голосами...

Слезы подкатили к горлу. Роби внезапно ощутил себя очень маленьким и одиноким. Он не испытывал раньше ничего подобного и, не в силах совладать с собой, ударил кулаком по дверце шкафа, отчего она открылась с тихим скрипом, и резкие клубы пыли ударили ему в лицо. Он закашлялся и зажмурился, а в это время нечто объемное с железным звоном проскочило между его ног и, судя по грохоту, понеслось прочь из дома.

Роби быстро протер глаза дрожащими руками. В развалинах никого и ничего не было, но мальчик четко слышал, как звенящее нечто скачет вдоль одной из стен снаружи. Выскочив из дома, он увидел... железный чайник, бегущий через кусты на шести механических лапках!

Недолго думая, Роби подхватил ружье, прицелился и нажал на курок. Воздушный баллон издал протяжное «пшшш». Из дула выкатился железный болтик и упал на землю. Резко схватив его и забросив обратно в дуло, мальчик прицелился снова – чайник ушел уже довольно далеко. На этот раз звук был более резкий – «Пш» – и болтик летел к цели целых пару секунд, пока – бамс! – сильным ударом не опрокинул странный механизм на землю. Звук столкновения был настолько громким, что птицы с ближайших деревьев стаями взмыли в небо. Закинув ружье за спину, Роби подбежал к чайнику и, сев на землю, начал осмотр.

Почерневший от копоти, чайник лежал на земле, изредка выбрасывая мелкие искры, тихо жужжал и медленно перебирал в воздухе шестью механическими лапками, похожими на паучи, которые были прикрепленные к круглому основанию с шипящим динамиком, тремя мигающими маленькими экранами с мелькающими неизвестными Роби символами и множеством разноцветных лампочек.

Роби уже встречал подобные самодвижущиеся устройства, но еще ни разу ему не удалось поймать хотя бы одно из них. Собственно, он никогда и не пытался: ведь дед строго запрещал любые контакты с неизвестными механизмами, приходящими из леса.

Что же делать сейчас? Роби не знал. Нарушить запрет еще больше? Или же взять чайник с собой и дома изучить его как следует? В конце концов, дед никогда не объяснял причин своего запрета, а чайник выглядел безопасным и очень – безумно! – интересным. Еще не до конца понимая, что делает, мальчик надел специальные перчатки и, осторожно подняв чайник, повертел находку в руках. На миг ему послышался звук, будто что-то твердое внутри чайника перекатилось от одной его стенки к другой. Это решило дело. Быстро, чтобы не передумать, Роби упаковал свою находку и порадовался, что рюкзак сшит из огнеупорной ткани, потому что чайник продолжал искриться и шипеть.

Когда Роби вернулся к стене, Оберон был уже там и в сильном беспокойстве искал что-то в траве («Ружье» – понял Роби, едва живой от страха) и нервно сжимал руки. Увидев внука, дед бросился ему навстречу, воскликнув:

– Где ты был?!

Роби стоял, опустив голову. Заметив ружье в его правой руке, Оберон выхватил его резким взмахом:

– А это тебе зачем?! – и, после секунды раздумий, округлив глаза от изумления, вдруг понял – Так это ты стрелял?

Роби вздрогнул, покраснел, ничего не ответил и только еще ниже опустил голову, ожидая обвиняющих слов. Но слышал только шелест листьев и щебет птиц. Наконец, осмелившись, он посмотрел на деда и увидел, что тот почти спокоен.

– Теперь ты не будешь отходить от меня дальше, чем на три метра. Понял? – сказал Оберон, – А завтра в наказание останешься дома. Я пойду в лес один.

Такое случалось крайне редко, но каждый раз было для Роби настоящим испытанием: ведь это означало, что вместо опасных вылазок его будет ждать одиночество и скучная работа, которая требуется всегда – уборка дома, мастерской или двора. На глаза мальчика навернулись слезы, но он сдержал их и только кивнул, осознавая, что провинился по-настоящему.

– Идем, нам нельзя здесь задерживаться. Солнце садится.

Повесив ружье на рюкзак, дед пошел сквозь высокие кусты в сторону дома, и в этот момент пространство над лесом разорвал страшный звук сирены – со стороны Бест-Хард-Сити. Остановившись, Оберон резко обернулся, постоял пару секунд, и пошел дальше. Роби показалось, что он хотел спросить у него что-то еще, но передумал.

Мальчик покорно шел за дедом, разглядывая новые вещи, найденные Обероном и подвешенные к рюкзаку на крепкие веревки – сковородку, пару чашек, мешочки с какой-то металлической мелочью. Да и сам рюкзак, судя по его размерам, был набит под завязку. За своей спиной Роби чувствовал тяжесть чайника и радовался, что тот лежит спокойно. В конце концов, в наказании есть свои плюсы – завтра, когда дед уйдет в лес, будет много времени на изучение необычной находки.

Когда путешественники почти дошли до дома, Роби еще раз обернулся на уже темный лес, как будто этот взгляд мог вернуть ему воспоминание, обретенное в старых руинах, такое дорогое и щемящее. Но чуда не случилось – лес оставался темным, а лица родителей – и здесь острая тоска кольнула Роби в самое сердце – снова стали изображениями со старых фотографий, висевших дома над камином.

Дома Роби и дед Оберон первым делом скинули рюкзаки и оставили их у входа в дом. Повесили куртки на гвоздики, сняли сапоги и калоши и упали на диван, где пролежали около получаса. Здесь они всегда отдыхали от дел по вечерам – лежали так, закинув ноги на подлокотник, пока в камине резво играл огонь, придумывали разные небылицы и болтали.

Солнце уже наполовину скрылось за верхушками деревьев, и закатные лучи угасали с каждой минутой, уступая тьме.

– Иди включи свет, а я разожгу камин – наконец, сказал дед и медленно встал с дивана, держась за спину – Старость не в радость...

Оберон подошел к очагу, забросил в него пару поленьев, подложил старую газету и, сев на корточки, начал чиркать стальной зажигалкой. Роби же, зайдя в маленькую комнатку слева от кухни, открыл один из висевших там железных ящиков, достал большой аккумулятор, отключил его от трех разноцветных проводков, переставил в другой ящик и подключил к другим трем проводкам. В доме засиял свет – несколько настенных светильников, самодельных, разогнали вечерний сумрак. На улице раздалось низкое гудение.

Посмотрев в окно, Роби убедился, что защитная система заработала – гудящая проволока на вершине забора слегка покраснела от электрического напряжения, а прожектора осветили участки поляны. В их свет изредка попадал Арнольд. Он грациозно вышагивал вдоль забора и осматривал территорию сверкающим красным глазом.

Дом Роби и Оберона не был подключен к какой-либо центральной энергосети. Зато на крыше работали солнечные батареи, установленные еще до рождения деда его отцом, прадедом Роби. Ни мальчик, ни Оберон не знали, как они работают, но помнили, что нужно заряжать аккумуляторы днем, а потом пользоваться накопленной энергией ночью, пока она не закончится.

Энергия была нужнее всего после захода солнца. Поэтому, пока батареи вбирали в себя солнечный свет, дед и внук очень редко пользовались электричеством. Зато вечером под желтым светом ламп Роби и Оберон готовили ужин, читали книги, что-то разбирали или чинили в мастерской.

Когда мальчик вернулся в гостиную, там уже горел камин. Пламя играло тенями по всей комнате. Дед, сидящий на полу перед камином, подкинул в огонь еще пару поленьев и жестом подозвал Роби. Тот, подойдя, сел рядом. Внезапно легкое шипение горящего дерева напомнило ему звуки из старого шкафа, и снова перед глазами возникла старая комната и родители, грустно слушающие загадочную коробку...

– Ну... – строго спросил дед – Так зачем ты туда пошел?

Роби опомнился, как будто очнулся ото сна. Дрова в камине громко трещали, белые стены гостиной окрасились в тепло-бежевые тона, небо за окном стало темно-синим. Ветер затих, и не было слышно ни одной птичьей песни.

– Зачем ты стрелял? – спросил Оберон, пытаясь заглянуть внуку в глаза, – Ты нашел что-то... или кого-то? Кто-то напугал тебя?

– Я... – начал Роби, но резко остановился, бросив взгляд на свой рюкзак, стоящий у входа, – Я ничего не нашел, извини. Просто мне очень захотелось взглянуть на те постройки вдали и пострелять...

– Пострелять?.. – вздохнув, дед перевел взгляд на огонь, – В тебе живет наша семейная тяга к исследованиям. Но в некоторых местах это может быть слишком опасным. И это, – он указал пальцем на ружье, стоявшее у рюкзака, – не игрушка. Понимаешь? Звук выстрела могли слышать не только птицы...

– А кто?

– Кто-кто... Поисковики! – Оберон отвел глаза, как человек, сказавший лишнее, – Не важно! В общем, ты еще мал для стрельбы. Понимаешь?

– Да... – тихо ответил Роби, глядя на свои руки.

– Хорошо. Очень надеюсь, что ты больше так не поступишь! – похлопав внука по плечу, Оберон пересел на диван и замолчал.

Оглянувшись, Роби увидел, что дед задумчиво смотрит на пожелтевшие фотографии над камином, спрятанные под стеклами, поблескивавшими в свете ламп.

– Нельзя далеко заходить в лес, – тихо сказал дед, и Роби понял вдруг, что никогда не видел его таким, – Твои мама и папа ушли туда много лет назад, и с тех пор от них нет ни одной весточки. Никто не знает, что с ними произошло. Мы с тобой остались одни и должны держаться вместе. Я многому тебя научил, но ты еще не готов выйти за наши границы. Ты слишком мало знаешь о Разбитом Мире.

– Но... – начал Роби, не отводя глаз от фотографий. На лицах его родителей лежали слегка мерцающие огоньки, – Мы же не знаем, что там на самом деле, за лесом?

– Там обитают жестокие, грубые, сложные и глупые люди, – сказал дед, переведя взгляд в черное окно, – Они живут в неоправданно огромных домах, едят в непомерных количествах несъедобную еду, придумывают бессмысленные правила и наказывают тех, кто их не соблюдает. Вокруг них нет жизни – только металл и дым – дед покачал головой – Нет, Роби, в них почти не сохранилось ничего человеческого – они стали машинами. Они хотят все больше и больше изобретений, технологий, стараются максимально усложнить жизнь, свою и тех, кто их окружает. Они думают, что, создавая многофункциональные механизмы, упрощают жизнь. Но в итоге превращаются в рабов своих творений. Что уж говорить об отношениях между ними... Дааа... Раньше все было по-другому, мой мальчик...

С каждым произнесенным словом голос Оберона наполнялся злостью, и его руки дрожали все сильнее и сильнее сжимались кулаки, а в глазах появились слезы, которые, впрочем, дед быстро вытер.

– Я не могу потерять еще и тебя, понимаешь? – сказал он, повернувшись к внуку.

– Это они забрали их? – тихо спросил Роби. Ему снова было одиноко и страшно и – что самое ужасное – очень неудобно в любимой гостиной у теплого камина.

– Я уверен, что да, – кивнул дед, и огонь блеснул в его глазах.

– Зачем же они ушли?.. – спросил Роби.

Ставшее белым прогоревшее полено разломилось пополам, выбросив в воздух искорки и клуб пепла с дымом. Дед слегка вздрогнул, словно отвлекся от своих раздумий, и ответил:

– Они ушли с надеждой вернуть все, как прежде. Сделать мир лучше. В первую очередь – для тебя. Им было больно осознавать, что ты вырастешь в новом, опасном мире. Они что-то нашли во время одной вылазки, но не сказали мне что. Они знали, что я не одобрю. Я говорил им, много раз, что там опасно! Там несправедливость и равнодушие! Я был там со своим отцом и видел все это своими глазами!

Лицо Оберона покраснело и казалось, что сама его фигура источает электрический ток – так сильно было напряжение. И Роби, словно окаменевший, оглушенный смятением и страхом, сидел у горящего камина, не чувствуя тепла. «Почему они ушли? – думал он, – Что они нашли такого там, за лесом, что решили бросить меня?»

Глава 3. Игра в имитацию

Его голова раскалывалась от боли, когда к ней прикоснулась рука. Подняв глаза, Роби увидел деда – улыбающегося, прежнего.

– Я заболтался! Уже почти ночь! Как думаешь, мы успеем поесть?

Мальчик не нашел в себе силы ответить. Только кивнул.

– Я голоден, как электроволк! – воскликнул Оберон, – Даже если бы я был курочка Сью, то отобрал бы еду у Арнольда!

Взьерошив волосы Роби, дед ушел к плите и кухонным шкафчикам и крикнул:

– Тащи все, что мы нашли в лесу, в мастерскую, а я займусь ужином!

– Хорошо! – ответил Роби, удивившись, что голос ему повиновался.

Он вскочил с пола, схватил тяжелые рюкзаки, с усилием закинул их за плечи и вышел из дома.

Сумки с металлом давили на плечи, и Роби поспешил к сараю. Проходя мимо курятника, он прислушался – внутри спокойно спали курочки, и только Малышка Сью изредка картаво кудахтала во сне. Скребя железными когтями по каменной насыпи, вдоль стены, охраняя их покой, ходил Арнольд.

Роби подошел к большим деревянным воротам мастерской и с трудом открыл их, повернув железный вентиль. После чего, со всей силы толкнув дверь плечом, вошел в темную мастерскую и, нащупав на стене рубильник, переключил его в положение «Вкл». Большие лампы, висевшие под крышей, поэтапно осветили помещение. Свет в виде трапеции упал на темную землю вокруг Роби, и тот, щурясь, отнес рюкзаки к ящикам, стоящим в ряд у рабочих столов. Переложив груз на металлическую поверхность, Роби с облегчением опустился на деревянную табуретку и, сразу же открыв свой рюкзак, заглянул внутрь. Черный чайник по-прежнему лежал неподвижно, искр и шипения больше не было.

Роби осторожно извлек подозрительно молчаливый чайник – его стальная поверхность была чуть теплой – слегка потряс его и снова услышал, как внутри что-то зазвенело, ударяясь о корпус. Мальчик попытался поддеть пальцем крепкую крышку в месте, где от удара болтика образовалась вмятина, но у него не хватало сил – крышка сидела слишком плотно. Решив воспользоваться отверткой, Роби потянулся было за ней, но услышал голос Оберона:

– Роби! Иди скорее, а то я не выдержу и съем твою порцию сам! Уж очень вкусно я приготовил...

Вздвогнув, Роби быстро упаковал чайник обратно в рюкзак и застегнул его. Спрятав свою находку в шкаф и оставив трофеи деда без внимания, Роби опустил рычаг в положение «Выкл», задвинул тяжелую дверцу и, в пару прыжков пробежав поляну, зашел в дом.

В гостиной вкусно пахло, и дед, сидя за столом, уже разрезал что-то на своей тарелке и по кусочкам клал в рот. Заняв свое место, Роби увидел копченого кролика и большую булку.

– Ммм, – протянул мальчик – Я так проголодался за весь день! О, у нас еще остался хлеб!

Чтобы еда всегда была разнообразной, каждый год Оберон затевал что-то новое: например, весной сажал на поляне семена, оставшиеся у него еще от отца, и выращивал разные культуры. В этом году возшла пшеница, из которой Оберон сделал муку и с помощью воды и соли превратил ее в настоящий хлеб. Состряпав около двадцати булок, он положил их в специальные контейнеры-холодильники. В этот вечер хозяева доедали двенадцатую булку.

Мяса же всегда было в достатке, особенно крольчатины – в лесу водилось много кроликов, которые так и норовили попасть в силки, расставленные Обероном и Роби. Правда, иногда в них попадались механические зверьки, но и они шли в дело. У них были очень полезные

внутренние компоненты – маленькие шестеренки, пригодные для ремонта часов и редкий вид масла для смазки подвижных частей.

За ужином дед попытался возобновить вечерний разговор:

– Рано или поздно, – сказал он – тебе придется посетить Бест-Хард-Сити. И если ты думаешь от меня сбежать, я хочу, чтобы знал...

– Нет, что ты! – воскликнул Роби – Я совсем не хочу оставлять тебя одного!

Он был очень удивлен неожиданными словами деда, и сидел неподвижно. Оберон часто поучал внука, но так открыто, как в этот вечер, о том далеком мире и родителях Роби он еще не говорил.

– Просто послушай меня, – перебил его Оберон, – Бест-Хард-Сити может изменить тебя навсегда и настолько быстро, что ты не успеешь заметить этого. Я просто хочу, чтобы ты знал – твои родители очень гордились бы тобой, если бы были сейчас с нами, – он помолчал немного и заговорил снова – Никогда не меняйся, мой мальчик. Даже если очень захочется – сделай так, чтобы мир поменялся вокруг тебя.

Роби, удивленный и немного смущенный, молча кивнул в ответ, и остаток ужина прошел в тишине. После, Оберон вскипятил на железной плите колодезную воду, залил кипяток в старый белый чайник, расписанный голубыми цветами и добавил пару щепоток сушеных трав, собранных в лесу. Разлив чай по деревянным кружкам, дед и Роби по обыкновению вышли на поляну и сели под окном дома на скамейку, сделанную из половины бревна. От кружек поднимался белый пар. Поляна подсвечивалась прожекторами и лунным светом. Вытянув ноги и откинувшись на каменную стену дома, дед сделал глоток, оглядел весь свой маленький мир от курятника до грядок, умиротворенно улыбнулся и произнес:

– Как же у нас хорошо... Сколько труда в это было вложено, и не одним человеком...

– Чем займешься завтра? – Спросил Роби.

– Как обычно, – пожал плечами Оберон – Пойду в лес, поищу что-нибудь. Сколько лет я мечтаю починить ту древнюю машину, стоящую в мастерской – и не хватает пары деталей. Может быть, именно завтра я и найду их...

Неспешно подошел Арнольд, осмотрел деда и внука красным глазом и, убедившись, что не помешает, положил голову на колени Роби. Мальчик погладил его металлический гребень, почесал пушистую птичью шею и сказал, бросив взгляд на сарай:

– Я уверен, совсем скоро мы будем ездить в лес на твоей новой машине. А еще запишем твои песни на то устройство... Как оно? Звукозапись?

– Диктофон.

– Точно! Мы запишем на него твои песни и будем слушать их в машине, когда поедем в лес, – засмеялся Роби.

Еще помолчали. Потом Оберон сказал:

– Очень надеюсь, что завтра ты мне поможешь.

– То есть я все-таки могу отправиться с тобой в лес?! – Роби подскочил на месте, чуть не разлив горячий чай, и напугал Арнольда, который сделал три шага назад и, повернув голову набок, удивленно взглянул на мальчика.

– Можешь, – кивнул дед с самым серьезным видом – Но только, чтоб от меня ни на шаг! Роби, я бываю строг к тебе, но это для твоего же блага. Я хочу защищать тебя, пока жив, и научить всему, что умею и знаю сам. Я очень люблю тебя, мой мальчик.

– И я тебя – ответил Роби и осторожно положил голову на сухое и сильное плечо деда. Потом сказал, зажмурившись от нахлынувших чувств – У нас все будет хорошо. Я обещаю.

Звезды мигали в высоком небе. За высоким забором молчал черный лес. Арнольд мерил шагами двор, поблескивая красным глазом. Допив чай, Оберон встал со скамейки и, потрепав довольного внука по волосам, пошел в дом со словами:

– Долго не засиживайтесь. А утром я точно съем твой завтрак.

– Хорошо – ответил Роби – Я еще пять минут побуду.

Дверь за дедом закрылась, и вскоре в доме погас свет.

Сидя в одиночестве на прохладной ночной поляне, Роби поднял голову к небу, и его глаза наполнились звездами. Каждый вечер, глядя ввысь, он мечтал побывать там, посетить хотя бы одну звезду. Рассказы о людях, что когда-то могли летать так далеко вверх, всегда увлекали его и заставляли тут же бросаться чертить план большого механизма, который смог бы увезти его и деда далеко-далеко. Но каждый раз расчеты Роби не сходились. Несмотря на это, он продолжал мечтать о звездных приключениях, встречах с инопланетными существами, битвах на световых мечях и больших взрывах – обо всем, что он так любил в легендах деда Оберона о былых временах. В правдивости этих рассказов Роби не сомневался – он верил деду. К тому же у него были две древние фотографии, напоминающие о том, что это все возможно. Одна – с изображением первого человека на Луне, держащего в руках световой меч и с маленьким зеленым человечком, стоящим рядом. Лица за шлемом было не разглядеть, но дед утверждал, что это был он. Вторая – с изображением корабля под названием «МКС».

Понаблюдав за звездами еще около получаса и убедившись, что из дома не доносится ни звука, Роби поставил кружку на скамейку и почти бегом помчался в мастерскую. Подойдя к воротам, он с трудом и предельной аккуратностью повернул вентиль, издавший лишь тихий низкий скрип. Подбежавший Арнольд, вертя головой, наблюдал за происходящим то одним, то другим глазом. Мальчик прижал палец к губам, сказав Арнольду «шшшш!», и всем телом навалился на ворота, которые открылись медленно, неприятно шурша по деревянному полу.

Открыв ворота достаточно, чтобы пролезть в щель боком, Роби проник в мастерскую и принялся наощупь искать рубильники на стене возле входа. «Только бы не перепутать» – думал он, пока холодный пот заливал его глаза. Один выключатель отвечал за раздвижную крышу, второй – за освещение. Раздался щелчок – и у Роби отлегло от сердца: помещение озарилось теплым электрическим светом.

Достав из шкафа свой рюкзак, Роби вынул из него уже остывший механический чайник и положил его на рабочую поверхность. Крышка снова не поддавалась, и мальчик решил использовать отвертку. Но и эта попытка не дала результата. Также не помогли ни лом, ни молоток, ни плоскогубцы.

«Нужно его включить. Тогда он, наверное, откроется сам» – подумал Роби и принялся разбирать корпус чайника, открутив несколько болтов. Внутри оказалось неожиданно много деталей: различные платы, проводки и шестеренки. Увиденное его слегка обескуражило, но отступать Роби не планировал. Почесав голову отверткой, он поднес чайник ближе к свету и заметил несколько отошедших проводков и почерневший маленький аккумулятор. Поднявшись на второй этаж, Роби порылся в паре ящичков и нашел точно такую же батарею, причем почти новую. Вставив ее на место старой, с помощью паяльника Роби плотно соединил отошедшие провода.

На панелях чайника засверкали огоньки, а динамик издал мелодичный звук и зашипел. Дернулись тонкие лапки, и Роби поспешил прикрутить корпус обратно, пока чайник не попытался убежать от него по частям. А механизм, кажется, только этого и хотел, – с каждой секундой он становился все активнее и откровенно мешал Роби прикручивать болтики обратно. Однако, мальчик справился и, осторожно поставив чайник на пол, опустился на колени рядом.

Слегка шатаясь, устройство неуверенно встало на все свои шесть конечностей и завертелось по сторонам, видимо, оглядываясь. Роби наклонился, чтобы рассмотреть чайник получше. Механизм замер, повернувшись носиком к мальчику. Оба не двигались несколько секунд, после чего раздался писклявый электронный голос:

– Идентификация личности – одна из лампочек на основании чайника загорелась синим, направив тонкий луч на лицо Роби, – Личность не опознана. Представьтесь.

– Меня зовут Роби.

- Приятно познакомиться, Роби. Как ваши дела?
- Эм... – Роби в растерянности почесал нос – Все, хорошо. Спасибо. А у тебя?

– Необходимо обновление данных – чайник замер, и на маленьком потрескавшемся экранчике, расположенном на приборной панели, появился белый кружочек.

«Если я покажу его дедушке, он сойдет с ума или от радости, или от гнева» – подумал Роби, пока его находка неподвижно стояла на месте. Пододвинувшись еще ближе, он ткнул пальцем в корпус чайника. Никакой реакции не последовало. Только спустя почти пять минут кружок с панели пропал, и чайник, дрогнув, произнес женским голосом:

- Данные об устройстве не найдены. Желаете ввести собственные настройки?
- Да, – пожав плечами, ответил Роби.

Он не до конца понимал смысл того, что говорит чайник, но общение ему нравилось. Роби поймал себя на том, что улыбается в ожидании новых открытий и знаний, а его руки дрожат от желания срочно сделать что-нибудь. После пары секунд молчания механизм снова заговорил тем, первым, писклявым голосом:

- Кем вы хотите, чтобы я был?
- Будь моим другом! – сказал Роби.
- Другом?.. – чайник снова замер – Поиск данных!

На экранчике вновь возник кружок.

– Дружба – бескорыстные взаимоотношения, основанные на общности интересов и увлечений, взаимопонимании и взаимопомощи... – сказал чайник женским голосом.

- Да, это мне подходит, – кивнул Роби.
- Принято. Будем друзьями! – голос снова изменился на писклявый.

– Слушай, извини за то, что выстрелил в тебя, – сказал Роби, снова увидев вмятину у крышки, – Я не знал, что ты живой...

- Ничего страшного, Роби. Мои данные о вас обновлены: теперь вы – друг.
- Тогда не мог бы ты мне помочь, – сказал мальчик, – Открой свою крышку?
- Да, конечно! – ответил механизм, и его крышка с глухим щелчком откинулась и со звоном ударилась о корпус, – Пожалуйста!

Роби подобрался еще ближе и заглянул в чайник. Внутри он был еще грязнее, чем снаружи: на стенках образовался толстый слой черной сажи, а на дне лежало что-то квадратное, похожее на коробочку. Роби нащупал ее пальцами и, измазав в саже всю руку, вытащил на свет.

Положив коробочку на пол, Роби рассматривал ее, но ничего не смог понять из-за толстого слоя сажи. Пришлось взять относительно чистый кусок ткани в одном из ящиков стола. Оттирая коробочку, Роби спросил у чайника, смиренно стоящего рядом:

- Что это в тебя положили?
- Не удастся определить объект – ответил механизм.

Черная сажа комочками грязи опала с поверхности квадратного предмета, и вскоре под светом ламп заблестели желтоватые узоры, похожие на те, что дед иногда наносил на сделанную им мебель. Эти желтые изгибы всегда напоминали Роби ветви деревьев или ползучую лозу, которая иногда встречалась в лесу. А еще они были похожи на символы или буквы неизвестного алфавита.

Повертев в руке очищенную коробочку, кое-где сверкающую, но в некоторых местах еще черную, Роби в изумлении произнес:

- Ну и что это?
- Начинаю анализ – сказал чайник, направив на коробочку несколько синих лучей, –

Это работа мастеров древней расы – фриджитов. Народа, целью которого является жизнь в гармонии с окружающим миром. Большинство данных о них утеряны или удалены во время Великого Апгрейда.

Роби захлопал глазами от удивления. Он окончательно перестал понимать, что происходит, хотя слово «фриджиты», кажется, недавно где-то слышал. Или читал?

– А кто это? – Роби старательно подбирает слова, – Апгрейд?..

– Ищу информацию по запросу Апгрейд, – равнодушно произнёс чайник и спустя три секунды молчания продолжил – Три века назад жизнь людей была абсолютно непродуктивна и неэффективна. Множество антисоциальных факторов и... скажем так, видов... пагубно влияли на нашу способность стремительно развиваться. И тогда Великий Диктор Нового Мира и Администратор Большого Апгрейда запустил Великий Апгрейд – процесс избавления людей от всех лишних... переменных, мешающих нашему развитию. Именно благодаря тому Апгрейду, выходу на новый уровень, бесконечный и обширный, сейчас человечество эффективно как никогда...

Роби пока не знал, с чего начать разговор о том, чего он совсем не понимает, и поэтому, немного покрутив шкатулку в руках и понаблюдав за тем, как в лучах ламп переливаются ее золотые узоры, перевёл своё внимание на неё и спросил о самом важном в данный момент:

– Как мне ее открыть? Должен же быть какой-то способ...

– В моей базе данных такой информации нет, – ответил чайник незамедлительно – Но изображения на шкатулке идентичны забытому языку фриджитов. Перевести его невозможно.

Осознав, что оказался в тупике, Роби уставился на шкатулку:

– Я попробую вскрыть ее инструментами дедушки. Наверняка что-нибудь подберу. Это должно быть просто.

С этими словами Роби поднялся, открыл ящик ближайшего стола и достал оттуда причудливое приспособление, похожее на ножницы, но работающие в обратную сторону. Мальчик просунул острый конец приспособления в узкую щель между крышкой и корпусом и нажал на рычажок, спустивший пружину, которая сдерживала два «крыла» ножниц вместе.

Лампы, освещавшие помещение, вдруг замигали так, будто в сети случился сбой. Инструмент в руках Роби почти за пару секунд оттянул крышку от коробки, внутри которой блеснул какой-то свет. Мальчик приналег на инструмент. Ему казалось, что время тянется бесконечно, но вот в полной тишине послышался щелчок внутри шкатулки, – и она распахнулась, ослепив мальчика и озарив весь сарай свечением, ярким, будто солнце.

Прикрыл глаза руками, Роби не удержал равновесия и рухнул на спину. Свет медленно погас. Убрав ладони от лица, Роби осторожно взглянул на распахнутую шкатулку, внутри которой – он уже начал различать это – явно кто-то шевелился.

Глава 4. Роби встречает фриджитов

И в тот момент, когда Роби был готов подползти ближе, из шкатулки выпрыгнуло слегка сверкающее желтого светом существо с короткими руками и ногами – очень маленькое, размером с указательный палец. Оно очень напоминало Роби нечто между человечком и прыгающим пламенем.

Существо очень быстро и дерзко подбежало к Роби, заставив его отпрянуть. Следом из шкатулки выбралось второе такое же существо – только красного цвета. В изумлении и страхе глядя на них, краем глаза Роби видел, что внутри шкатулки затаился кто-то третий.

Все молча переглядывались. Роби смотрел на существ широко раскрытыми глазами, с трудом справляясь с собственным дыханием. Желтое, нахмурившись, впилося строгим взглядом в лицо Роби, а красное спокойно оглядывалось по сторонам. Чайник же, все это время тихо стоявший рядом, быстро сканировал присутствующих синими лучами и, судя по белому кругу на дисплее, обрабатывал полученную информацию. В какой-то момент Роби понял, что чувствует себя спокойно. Эти малыши не хотели причинить ему вреда. Напротив, кажется, они тоже были напуганы. А еще, похоже, они защищали кого-то, оставшегося в шкатулке...

– Вы кто? – спросил Роби.

– Мы?! – встрепенулся желтый человечек, – Ты видимо не с этой планеты! Мы фриджиты! Слышал о таких?

Тут лучи чайника, бегающие по новым гостям, пропали, и раздался холодный синтетический голос:

– Фриджиты – это примитивная раса разумных существ. Основой их культуры является жизнь в гармонии и балансе. До Великого Апгрейда были дружелюбны к людям. В данный момент представители этой расы объявлены вне закона.

Все вздрогнули. Голос из чайника затих, но еще несколько мгновений в сарае царило безмолвие – лишь ветер свистел где-то под крышей. Первым выйдя из ступора, желтый фриджит подбежал к чайнику и воскликнул:

– Как вне закона?! Кто? – его лицо поочередно выражало то удивление, то злость. Бегая вокруг чайника, он кричал, – Мы?.. Да я сейчас тебя сам запрещу, глупая ты машина!

Подбежавший красный фриджит начал оттаскивать своего желтого собрата, который пытался лупить чайник руками и ногами. Тут Роби заметил, что красный немного выше и шире желтого, а ещё то, что голова желтого была слегка заостренной сверху, а красного – наоборот, сплющена, что придавало первому вид огонька, а второму – квадрата.

– Извини, пожалуйста, – вежливо сказал чайнику крупный красный, сжимая своего неугомонного меньшего друга все крепче и крепче.

В это время внезапно для всех прозвенел высокий голос: «Мальчишки! Вы что там опять устроили?!» Желтый и красный замерли, держась друг за друга, и оглянулись на шкатулку. Оттуда вслед за голосом выплыла по воздуху голубая фигурка чуть меньше остальных фриджитов, и плавно приземлилась рядом с красным и желтым.

– Здравствуй, человек! – сказала третье существо, обращаясь к Роби, – Меня зовут Миа. А это – Уол и Тум. Мы троим – последние хранители, призванные защищать Ключ к тайным знаниям нашего народа в надежде, что когда-нибудь сможем собрать все части Ключа и вернуть миру гармонию и баланс.

Закончив эту речь, Миа прищурилась и посмотрела в глаза Роби:

– Твое лицо кажется мне знакомым. Мы раньше не встречались?

– Вряд ли – ответил Роби – Я бы вас точно запомнил... А кто из вас Уол и...

– Тум – кивнув, представился крупный красный фриджит – Будем знакомы.

– Я Уол! – резко сказал желтый – А кто ты?

– Ой! Я забыл представиться! Меня зовут Роби. Это мастерская моего деда Оберона, мы живем здесь вдвоем.

– Мастерская? – протянул Тум, оглядывая инструменты, развешанные по стенам – Интересно...

Миа, пристально следя за Роби, украдкой взяла двух фриджитов за плечи и медленно повела их к шкапулке. Заметив это, мальчик смущенно спросил:

– Куда вы?..

– Нам нужно посоветоваться – ответила Миа с натянутой улыбкой.

Поняв, что от него что-то скрывают, Роби указал пальцем на шкапулку:

– Что там?

– Ничего! – воскликнули хором все трое фриджитов и стали отступать к шкапулке еще быстрее.

– Там тот самый ключ от тайных знаний? – спросил Роби, и малыши подскочили на месте. Почти моментально запрыгнув в шкапулку, они захлопнули за собой крышку.

– Мы ничего не скажем! – прозвучал изнутри визгливый голос Уола.

– Ну, пожалуйста! – взмолился мальчик – Я вас не обижу! Обещаю!

Фриджиты молчали. Роби аккуратно постучал ногтем по корпусу шкапулки, но это ни к чему не привело. «Я должен узнать о них все!» – сказал он самому себе и тут же услышал голос деда, донесшийся со двора:

– Роби, я вижу, что ты в мастерской! Быстро в постель!

От страха у Роби задрожали руки. Он услышал приближающиеся шаги Арнольда, идущего как обычно, за дедом. Сунув шкапулку в карман и забросив чайник в кучу других механизмов, он облокотился на довоенную машину, и сделал невозмутимое лицо.

– Чего это ты вечно бродишь здесь по ночам? – спросил Оберон, протискиваясь в мастерскую через щель в воротах.

– Да так, изучаю всякое... – Роби старался выглядеть как можно естественнее, и понимал, что получается у него очень плохо. Хорошо, что дед был слишком сонным, чтобы заметить это.

– Мне показалось, что здесь была яркая вспышка, – сказал Оберон. – Подумал, что ты снова играешь со сварочным аппаратом...

– Нет, что ты, я больше не использую его без надобности.

– Это хорошо. Значит, мне показалось. А теперь пойдем спать.

Дед и внук вышли во двор, закрыли мастерскую и вместе направились к дому – на этот раз действительно спать. Роби время от времени опускал руку в карман, как бы проверяя на месте ли таинственная шкапулка с маленькими фриджитами и таинственным Ключом внутри.

Этой ночью Роби никак не мог заснуть – все лежал и смотрел на узорчатую шкапулку на столе, из которой не доносилось ни звука. Дед Оберон давно спал. Небо за окном светлело синим у самого горизонта.

Ворочаясь в кровати, Роби думал о тех необычных существах – фриджитах – живущих в шкапулке и о том, как бы ему еще раз поговорить с ними. А еще о том, как утром, то есть совсем скоро, дед обнаружит в мастерской живой чайник... Однако, усталость взяла свое. Глаза Роби сами собой закрылись, а тревожные мысли растворились в темноте.

Вдруг что-то запрыгнуло на кровать и, слегка порвав одеяло, поскребло ногу Роби чем-то острым, похожим на коготь. От испуга мальчик, мгновенно проснувшись, ударился головой о спинку кровати и резко вскочил ногами на подушку, приготовившись бежать. Но вовремя разглядел в темноте хорошо знакомый силуэт – это был чайник! Он сидел на одеяле перед Роби.

– Как ты выбрался из мастерской?! – воскликнул мальчик.

– Сканирование помещения, именуемого мастерской, обнаружило небольшую дыру в полу под старой машиной, – сказал чайник электронным голосом.

– Ага... – протянул Роби. – Так вот как железоеды пролазят к нам в сарай...

– Совет! Если вы хотите поймать железоедов – подкиньте им магнит, чтобы они его проглотили! – громко сказал механизм. – Это заставит их примагнититься к чему-нибудь!

– Тихо ты! – прошипел Роби, закрыв динамик руками.

– Хотите, чтобы я убавил громкость?

– Да!

– Насколько мне убавить громкость, друг?

– До шепота!

– Будет сделано, – еле слышно проскрипел динамик.

– Дедушка не должен тебя видеть. Он вряд ли разрешит тебя оставить, – сказал Роби, взяв чайник на руки. – Кстати, ты что-то говорил про фриджитов. Кто они?

Немного подумав, чайник сначала зашипел, а затем заговорил громким и хриплым мужским голосом, наполненным злостью:

– Эти фриджиты! Мы больше не потерпим их вмешательство в нашу жизнь, в нашу науку и прогресс!

От неожиданности Роби накрыл чайник одеялом, но это не помогло.

– Нас ждет светлое будущее! И мы не можем больше позволить фриджитам мешать нам! Пора положить этому конец! Изгоним их! – прокричал голос, сменившись странным шумом. Роби никогда не слышал ничего подобного, но успел подумать, что так, вероятно, звучали бы сразу много людей, одновременно кричащих что-то яростное.

В этот момент дверь в комнату распахнулась, и на пороге появился дед Оберон.

– Роби!.. – воскликнул он со страхом. – Ты что, взял мое радио?!

Дед Оберон выглядел странно. Кулаки его были сжаты и тряслись от напряжения, а глаза гневно сверкали.

– Какое?.. Нет! Это не то твое! Это не то, о чем ты думаешь! – поговорил Роби, стараясь не смотреть на деда.

Шум сменился шипением. Оберон подбежал к внуку, резким движением сдернул одеяло, увидел чайник и застыл, как парализованный.

– Что... – его голос почти потерялся в звуках, издаваемых механизмом, – Что это такое, Роби?

Динамик, наконец, перестал шипеть, и чайник сказал своим собственным электронным голосом:

– Я друг!

Дед Оберон ошеломленно смотрел то на него, то на перепуганного Роби.

– Я нашел его в лесу, – заговорил мальчик, вытирая слезу, побежавшую по щеке. – Просто хотел поиграть. Изучить его... Но он оказался живым, и... внутри было это! – Роби указал на стол.

Увидев шкатулку, дед зашатался. Ему пришлось даже облокотиться на шкаф, а потом и вовсе сесть на пол – кажется, ноги отказались держать его. Не сводя глаз с узорчатой коробочки на столе, он схватился за голову и прошептал с неестественной улыбкой: «Не может быть...» Но довольно быстро совладав с собой, дед Оберон поднялся, подошел к шкатулке и аккуратно взял ее в руки.

– Бери с собой свою машину, – спокойно сказал он Роби, все еще прижимавшему чайник к груди. – И пойдем со мной в гостиную. Я должен тебе кое-что рассказать.

В зале, где в камине еще тлели угли, дед Оберон указал на диван, и, когда Роби сел, пошел к огромному дубовому шкафу слева от входной двери. Открыв дверцы, он выложил на пол несколько старых теплых курток, и аккуратно двумя руками достал из глубины что-то тяжелое, похожее на коробку средних размеров, завернутую в большое серое полотенце. Роби, держа в руках свой чайник, с интересом наблюдал и не решался задавать вопросы.

Сев рядом с мальчиком, дед поставил коробку на колени и принялся медленно разматывать ткань:

– Это называется радио, – сказал он. – То, что включилось у твоего чайника – это оно и есть.

– Для чего оно? – спросил Роби, наблюдая, как из-под полотенца появляется корпус с разными кнопками, – Оно умеет разговаривать?

– Оно? – Оберон улыбнулся. – Нет, конечно. Оно передает слова других людей. Которые находятся далеко.

– Значит, оно может включить маму?.. Или папу?!

– Нет, – нахмурился дед – Все не так просто...

Когда ткань была полностью развернута, Роби смог рассмотреть коробку с кнопками, похожую на метровый куб, одна из сторон которой была заменена сеткой с маленькими дырочками. Поставив чайник на пол, Роби и задумчиво провел пальцем по странной шкале с циферками сверху на корпусе, стирая пыль.

– А что это за шкатулка? – спросил он, кивнув на дедушкин карман.

Вытащив узорчатую коробочку, дед некоторое время разглядывал ее и, наконец, произнес:

– Это хранилище фриджитов, таких маленьких существ... – на его лице появилась легкая улыбка, – Ты знаешь... Я уж думал, что их больше не осталось.

Покрутив шкатулку в руках, Оберон перевел взгляд на фотографии над камином.

– Так вот... – заговорил он, и Роби показалось, что слова давались ему через силу, – Это радио принадлежало твоим родителям. С помощью него они искали любую информацию о них...

– О ком? – потряс головой мальчик.

– Все! Я больше так не могу! – послышался писклявый, но в то же время грубый голос, и узорчатая крышка шкатулки резко распахнулась, – Мы просто обязаны выяснить, что там происходит!

Из коробочки появилась желтая голова Уола. Он внимательно взглянул на Роби, потом увидел прямо над собой лицо Оберона и, вздрогнув, медленно произнес:

– Здравствуйте...

– Здравствуйте. – вежливо ответил дед, – Как поживаете?

Уол, явно не ожидавший такого обращения, расплылся в улыбке:

– Спасибо, все в порядке. – сказал он и добавил, обратившись к Роби, – Я слышал, как вы тут обсуждаете нас. Что происходит?

– Садитесь поудобнее. – сказал Оберон, – Я вам кое-что расскажу... Роби, поставь, пожалуйста, воду на огонь.

Фриджиты уселись на что-то внутри шкатулки. Роби быстро встал с дивана, подошел к железной плите, набрал из ведра воды и поставил ее на конфорку. Когда он вернулся, дед Оберон начал рассказ:

– Говорят, все это началось очень давно, около трехсот пятидесяти лет назад... Тогда два народа – мы, люди, и фриджиты – жили вместе в мире и согласии. Фриджиты очень помогали нам. Часто они предлагали гениальные решения сложных задач, не прибегая к долгим расчетам и размышлениям... Но вот человек по имени Мордрет по причинам, которых никто уже не помнит, начал уговаривать людей забыть обо всем и сосредоточиться только на одном – на развитии и прогрессе...

– Звучит неплохо – хмыкнул мальчик.

– Да... Но все не так и просто. Мордрет очень быстро завоевал доверие и любовь людей, а потом многое изменилось... – дед погладил бороду, подбирая слова. – В общем, люди решили избавиться от фриджитов.

– Что?! – подпрыгнули Уол, Тум и Миа.

– Подождите... – Оберон остановил их жестом. – Фриджитов стали обвинять в том, что своей ленью они тормозят технологический прогресс. Пошли разговоры о том, что нужно избавиться от этих «тормозов», а потом все перешли к действиям. Люди захотели новых свершений, прорывов в науке. За пятьдесят лет до Великого Апгрейда под предводительством Великого Диктора Мордрета почти все фриджиты были вытеснены из человеческого общества. Конечно, среди людей находились и несогласные, но от них быстро не осталось и следа...

– Но разве мы так сильно мешали вам, людям?! – возмущенно закричал Уол. – Нельзя же так просто изгнать целый народ, с которым вы бок о бок жили всю свою историю!

– Фриджиты всегда отличались от людей большим стремлением к простой жизни. Иногда их легкое отношение ко всему раздражало людей: ведь фриджиты никогда не стремились к высшим целям и не поддерживали такие стремления, чего нельзя сказать о людях...

– И когда они нашли великую цель, списали фриджитов со счетов, – мрачно отметил Тум. – И начали путь к хорошей жизни.

– Некоторые говорили, что фриджиты на своем примере показывали людям, что, несмотря на все старания и стремления, иногда нужно просто остановиться. Что есть что-то, кроме прогресса и стремления к нему – лучи солнца, утренний покой, шелест листья, улыбка ребенка... Звуки музыки, стихи и яркие краски картин – а фриджиты были отличными поэтами, музыкантами и просто хорошими собеседниками. Но теперь о тех временах никто и не помнит. Мордрет позаботился о том, чтобы все упоминания были стерты. Поэтому теперь мы живем так...

– То есть... – задумчиво сказал Роби. – Если фриджиты вернуться, люди начнут жить по-другому?

– В теории – да. Но люди уже триста лет как отказались от соседства с фриджитами ради прогресса, – сказал дед Оберон, – И скорее всего уже никогда не захотят жить по-другому, потому что забыли, как это...

– Какой ужас! – со слезами на глазах воскликнула Миа, – Бедные фриджиты! И люди...

– Я вам кое-что покажу – сказал дед и, положив шкатулку с фриджитами на диван, быстро ушел в свою комнату.

Роби и фриджиты и чайник сидели в тишине, погружившись в тяжелые мысли. На плите закипела вода.

Роби снял воду с плиты. Достал из шкафа мешочек с рассыпчатым чаем, бросил по паре щепоток в две деревянные кружки, налил кипятка и вернулся к дивану. Дед Оберон, как раз вернувшийся из комнаты с желтой фотокарточкой в руке, взял кружку из рук внука и сел на диван.

– Это я, – отпив глоток ароматного чая, сказал дед, кивая на карточку, – Мне здесь примерно тринадцать лет, как тебе сейчас, Роби.

На цветном фото на фоне большой картины с морем, кораблями и каменным причалом, был запечатлен мальчик в матросском костюме. На его плече сидело маленькое существо.

– Это фриджит! – ткнув в фотографию, сказал Тум.

– У тебя на плече?! – удивленно воскликнул Роби, – Ты мне никогда не рассказывал...

– Да, это мой лучший друг, фриджит Мелар, – с грустной улыбкой сказал Оберон. – Мои родители сумели сохранить его. Вместе мы любили гулять по лесу, изучая разные растения и животных. У нас был даже собственный небольшой огород, где мы выращивали разные экзотические растения. Но потом Мелар погиб... Он был фриджитом природы. Однажды я сильно заболел, и Мелар как бы взял мою болезнь на себя. Я выздоровел, а он погиб... Та клумба под окном, которую я так люблю, где растут мои любимые цветы... Именно там мы с отцом похоронили Мелара.

– Как это грустно, – всхлипнула Миа.

– Взял болезнь? – удивился Роби – Как это?

– Некоторые особо сильные фриджиты могут много удивительных вещей, – сказала Миа. – Например, брать на себя болезни других, чувствовать состояние природы...

– Мне нельзя было рассказывать тебе это, Роби, – почти шепотом проговорил Оберон, глядя куда-то в сторону, – Иначе с тобой произошло бы то же, что и с ними...

Проследив за его взглядом, мальчик и фриджиты взглянули на пожелтевшие фотографии над камином, на которых счастливо улыбались молодой дед, высокий юноша, красивая девушка и маленький мальчик. Роби почувствовал, как задрожали его губы.

– С мамой и папой... Что с ними случилось?

– Моя доченька... – опустил голову дед Оберон. – Твои мама и папа знали все это. Родители Бриса, твоего отца, хотели свергнуть диктатуру Мордрета и вернуть фриджитов и прежнюю жизнь, о которой знали из легенд. Вместе с другими повстанцами они скрывались в развалинах Форествиля, небольшого городка, разрушенного войсками Мордрета... И вот однажды Брис уговорил мою Элори, твою маму, пойти в Форествиль. Он говорил, что знает от своих родителей – там скрыто что-то важное, что поможет в борьбы с Бест-Хард-Сити...

– Они нашли? – спросил Роби.

– Да, – Оберон нахмурился, как будто от злости. – Они нашли что-то! И скрыли это от меня!

Дед стукнул кулаком о подлокотник дивана, и стоящая на нем кружка подскочила, выплеснув на пол немного чая. Все вздрогнули. Выдохнув, Оберон продолжил уже спокойно:

– Они нашли что-то. И, ничего мне не сказав, однажды ночью сбежали... Они и раньше делали вылазки в Форествиль. Они знали, что мне не нравится это... Что я боюсь за них! Обычно они возвращались... но не в этот раз. Я ждал их очень долго. И жду до сих пор. Оберегая тебя от всего этого по мере сил...

Сказав это, Оберон изменился в лице от переполнивших его эмоций и, вскочив с дивана, поспешно вышел во двор. Какое-то время в комнате царил молчание. Затем Тум, с серьезным лицом рассматривавший людей на фотографиях, вдруг толкнул Уола в плечо и прошептал:

– Глянь-ка... Это не они?

Уол пристально взгляделся в красивое лицо Элори и замер в изумлении.

– А ведь точно... – протянул он. – А это же они!

– Вы говорите о моих родителях?! – встрепенулся Роби. – Вы их знаете?!

– Да, конечно! – крикнул Уол. – Они тоже недавно находили нашу шкатулку!

– Точно, – задумчиво пробормотал Тум. – Только мы к ним не захотели выходить...

– Недавно?! – изумился Роби. – Когда это было?

– Мы точно не можем сказать. – пояснила Миа. – Если нас ничего не тревожит, мы впадаем в продолжительный сон и совсем не считаем ни дни, ни года.

– Потому что все хотели найти нас, чтобы отобрать у нас часть Ключа! – продолжал Уол. – Мы слышали, как они обсуждали с кем-то обмен нас на информацию о второй части Ключа! Кто-то третий предлагал им рассказать о том, где вторая часть Ключа за нас!

– Да! – воскликнул Тум, как будто вспомнив что-то. – Элори так и сказала – «за них»!

– А потом, – перебила Миа уставшим голосом, – Когда мы уже решили, что можем договориться, за ними началась погоня... Были крики, громкий скрип чего-то металлического...

– Они хотели кому-то нас отнести! – недовольно воскликнул Уол. – Вроде бы в город...

– Обменять вас на часть какого-то ключа? – изумился Роби – Не может быть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.